

Т.Н. Лебединская,
кандидат философских наук,
Санкт-Петербург, Россия

Т.В. Цимбал,
доктор философских наук,
г. Кривой Рог, Украина

**ТАРАС ШЕВЧЕНКО И ФЕДОР ДОСТОЕВСКИЙ:
ИСТОРИЯ ССЫЛКИ
(ОПЫТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ)**

К 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского
и 160-летию со дня смерти Т.Г. Шевченко

Обніміться, брати мої,
Бо лихо нам буде...
Т. Шевченко

Не потеряйте жизнь, берегите душу, верьте
в правду, ищите ее пристально всю жизнь...
Ф. Достоевский

Мотивация, которая легла в основу этого доклада, приведена лишь к одному из аспектов, а именно: к выявлению общего в судьбах Кирилло-Мефодиевцев и Петрашевцев на примере ссылок Тараса Шевченко и Федора Достоевского.

«Письма – больше, чем воспоминания, на них запеклась кровь событий, это – само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное», – писал А.И. Герцен [5, с. 290]. Удивительные слова Александра Ивановича объясняют причины того особого интереса, который вызывает у нас эпистолярное наследие Великих писателей, в том числе Т. Шевченко и Ф. Достоевского. Поэтому их письма, а также письма им адресованные, остаются для нас самым точным, полным и достоверным источником, рассказывающим о событиях и людях, окружавших писателей. Такими же ценными источниками являются дневники писателей, ежедневники, заметки, в которых изложены мысли очень важные для понимания жизненных обстоятельств, эмоций и чувств авторов.

До наших дней сохранилось 237 личных писем Т. Шевченко, а также 15 официальных и 4 коллективных, которые были им подписаны. Это письма более чем

20-летнего периода: первое известное письмо адресовано брату Шевченко от 15 ноября 1839 г., а последнее – И. Мокрицкому от 24 февраля 1861 г. Тарас Григорьевич переписывался с родственниками, друзьями, с писателями (как украинскими, так и русскими, и польскими), с актерами, художниками и учеными. Как утверждает литературовед И. Айзеншток, сам Шевченко подчеркивал, что он любил переписываться, а в период ссылки это было настоящей потребностью, т.к. письма позволяли не только обмениваться мыслями с друзьями, но и служили единственным средством связи с внешним миром [27]. Учитывая, что Тарас Григорьевич был коммуникабельным, испытывал искренний интерес к людям, его письма очень эмоциональны и представляют интерес не только для специалистов, историков литературы, но и для широкого круга читателей. Шевченко любил отвечать на письма немедленно, при первой возможности: «Я имею благородную привычку отвечать сразу же на полученное письмо», – говорит он устами героя повести «Прогулка с удовольствием и не без морали» [28, с. 286]. Но особенное удовольствие испытывал писатель, когда получал письма. Об этом вспоминала жена коменданта Новопетровского укрепления А. Ускова, подчеркивая, что Шевченко буквально менялся внешне, глаза вспыхивали огнем, он весь сиял от радости [19].

Гораздо больше эпистолярное наследие Федора Михайловича Достоевского: около 940 писем, из которых более 800 личных, а также записки, прошения, альбомные записки и коллективные письма [18]. Кроме того, дневник писателя и ряд литературных произведений дают точное, яркое представление о годах, проведенных на каторге и в ссылке.

Напомним, что середина XIX в. в Российской империи – время возникновения и разгрома революционных кружков и обществ. Так в 1845 г. в Украине организовано Кирилло-Мефодиевское общество, основной целью которого стала реализация идеи украинской национально-культурной автономии, что соответствовало тенденциям консолидации антимонархических сил в европейских государствах, переживших волну революций. В русле европейских настроений в нескольких городах Российской империи организовывались общества, кружки с различным уровнем революционности, с различной направленностью – западнической или славянофильской. Силами полиции были ликвидированы кружки братьев Критских, Герцена и Огарева, кружок Сунгурова. Особенно жесткие меры были предприняты в отношении членов кружка, организованного чиновником Министерства иностранных дел М. Буташевичем-Петрашевским, т.к. по донесениям стало известно, что ними обсуждалась вероятность вооруженного восстания. В результате 21 человек, в том числе и Федор Достоевский, был приговорен к расстрелу, который впоследствии заменили ссылкой и каторгой, о чем речь пойдет ниже.

Члены Кирилло-Мефодиевского общества, в число которых входил и буквально накануне освобожденный от крепостной зависимости Тарас Шевченко, были достаточно умеренными во взглядах по сравнению с петрашевцами, однако и они оказались вне закона и подверглись различным наказаниям.

Тарас Шевченко был арестован в апреле 1847 г. после того, как во время обыска жандармы нашли у него поэму «Сон» и другие революционные стихотворения, которые входили в сборник «Три лета». Под конвоем поэта доставили в Петербург. Об этой поездке пишет Н. Костомаров в письме к издателю-редактору «Русской старины» М. Семевскому: «...Видевшие его (Т. Шевченко – Т. Л., Т. Ц.) на дороге от Киева до Петербурга, куда он следовал под наблюдением полицейского чиновника, говорили, что он был чрезвычайно весел, беспрестанно шутил, хохотал, пел песни и так вообще держал себя, что на одной станции смотритель... заметил, что трудно узнать по виду, кто из едущих арестован, а кто везет арестованного. Во все время производства следствия Тарас Григорьевич был ...бодр, казался спокойным и даже веселым» [21]. Однако уже в мае Костомаров видел, «как выводили Шевченко, сильно обросшего бородой...», это уже был «не тот» Шевченко [20, с. 203].

В Петербурге в Третьем отделении дело Т. Шевченко вел лично шеф жандармов А. Орлов. На вопросы, предложенные в жандармерии 21 апреля 1847 г. Тарас Григорьевич отвечал очень кратко, о людях, которых знал достаточно хорошо, сообщал, что не виделся с ними вовсе или давно не встречал, а на некоторые и вовсе не ответил. Таким образом, ожидаемых сведений о намерении свергнуть самодержавие участниками Кирилло-Мефодиевского братства жандармы не получили. Что же касается стихотворений об императоре и императрице, которые принимали участие в выкупе поэта из крепостного состояния, Шевченко пояснил дерзости тем, что слышал, как ругают государя в Киеве и Петербурге [22, с. 8-12].

Тем не менее, непосредственно граф Орлов доложил царю Николаю I, что Т.Г. Шевченко не только призывал свергнуть самодержавие, но и оскорбил лично его Величество, поэтому поэта необходимо жестко наказать. Царь прислушался к шефу жандармов и Тарас Шевченко был направлен в Орскую крепость Оренбургской губернии для прохождения солдатской службы с запретом писать и рисовать, что для поэта и профессионального художника было невыносимо. Сама крепость представляла собой гору, обнесенную земляным валом, который тянулся до берегов реки Урал. Внутри расположились казармы и не более двух десятков домов офицеров. Вокруг крепости тянулась безлюдная степь, оживавшая только лишь весной, когда покрывалась красивым пестрым растительным узором, но к середине лета цветы засыхали, превращаясь в

бесцветную равнину. Осенью шли проливные дожди, селения утопали в грязи (так по свидетельствам очевидцев еще в 1887 г. в центре Орска в грязи утонул верблюд), а зима была очень морозной и сопровождалась буранами, засыпавшими целые поселки [23, с. 227-232].

Однако необходимо отметить, что к середине XIX в. в Оренбурге сосредоточилось достаточное количество людей, составляющих гордость России: В. Даль, служивший советником при губернаторе, ссыльный петрашевец поэт А. Плещеев, проездом останавливались путешественник А. Гумбольдт и поэт А. Жемчужников, собирал материалы для написания «Истории Пугачевского бунта» А. Пушкин. Кроме того, в Оренбурге военным губернатором был В. Перовский, который сумел сформировать достаточно либеральное отношение к политическим ссыльным. Так Я. Виткевича Перовский произвел в адъютанты и через некоторое время за исправное выполнение поручений ссыльный был прощен императором, петрашевца А. Плещеева включил в состав военного отряда, штурмовавшего Ак-Мечеть, а затем произвел в прапорщики.

Именно в такую среду попал ссыльный Тарас Шевченко. Молва о приезде Шевченко разнеслась в Оренбурге очень быстро. «Встреча его была замечательная: и он, и окружавшие его плакали, не знаю, от горя ли, или от радости, что увидели своего родного поэта. ...Заметно было, что он многое скрывал в душе и хотел, назло судьбе, быть выше ее. В дороге ... он был всего 9 дней, и ... от бессонницы и перемены климата чувствовал слабые признаки лихорадки... Земляки советовали ему, как больному, отправиться в лазарет недели на две и в это время выхлопотать, чтобы его оставили в Оренбургском батальоне, ... но он отказался от этого как из отвращения к лазаретам, так и потому, как он говорил, что никогда еще никого не обманывал... Просить же за себя он не позволил, не желая при таких обстоятельствах унижить себя просьбою» [19, с. 643-644].

Однако позднее, уже в Орске, чиновник по особым поручениям при военном губернаторе Е. Матвеев сделал все, что мог, для того, чтобы Шевченко чувствовал себя более-менее комфортно, в результате поэт стал жить в доме полковника Тимашева, а не в общей казарме. По воспоминаниям жены чиновника Орского инженерного отделения Лаврентьева, надзор за Шевченко не был таким уж строгим, поэтому иногда он отправлялся с Лаврентьевым в степь на прогулку, взяв с собой еду, самовар, кумыс. Случалось им поохотиться в степи на птиц уток, гусей, куликов. Но больше Тарас Григорьевич любил отдохнуть на мягкой траве, побродить по степи, полюбоваться природой. После прогулок Шевченко обучал грамоте сына Лаврентьевых, иногда рисовал гостей, бывавших в доме. «...Скоро Шевченко познакомился с сосланными поляками (участниками восстания 1830-1831 гг. – Т. Л., Т. Ц.), и один из них, Фишер, бывший

учителем детей Исаева (генерал-майора, коменданта крепости – Т. Л., Т. Ц.), сошелся ближе других с Ш. Через него Ш. был принят в доме Исаева... Жизнь его ... была довольно сносная; он большею частью время проводил или в чтении книг, или в разговорах с поляками» [19, с. 644].

Более того, когда Шевченко обратился к шефу жандармов Оренбурга с просьбой разрешить ему рисовать и писать, тот не ответил, т.к. не мог поступить вопреки распоряжению императора. Тогда приятели подсказали Тарасу Григорьевичу, что он может писать и рисовать, наказание не последует.

С июня до декабря 1847 г. в Орской крепости Тарас Шевченко написал достаточно большое количество стихотворений, в которых лейтмотивом выступает тоска по Родине: «А я дивлюся... і серцем лину, в темний садочок на Україну», «О думи мої! О славо злая! За тебе марно я в чужому краю Караюсь, мучуся... але не каюсь!» и др..

После смерти Исаева для Шевченко наступили тяжелые времена, его перевели в казармы к солдатам, где он спал вместе с другими на грязной кровати, в обществе постоянно пьяных, развратных солдат. Однако и там Тарас Григорьевич чаще всего читал, доставая книги у знакомых [19, с. 644]. Новый батальонный командир майор Мешков «не любил Шевченко за его непреклонность характера, за то, что он не умел и не хотел никому кланяться, и водил его каждый день вместе с другими на учење, где Шевченко учился шагистике и ружейным приемам. Шевченко несколько раз сидел, по милости Мешкова, на гауптвахте...» [19 с. 644-645]. К. Герн в письме М. Лазаревскому о Шевченко подтверждает это: «Мешков принялся самолично, по нескольку часов в день, мучить бедного Тараса солдатскою выправкой, учебным шагом в три приема и другими тонкостями строевой науки..., чтобы образовать из него хорошего фронтовика. Пытка эта продолжалась до весны 1848 г. [в которую доброму Алексею Ивановичу Бутакову удалось прикомандировать Тараса к команде, назначенной для плавания по Аральскому морю]» [4, с. 68].

Солдаты, которые не разделяли и не понимали интересов Тараса Григорьевича, не вступали в открытый конфликт с ним, однако при случае не упускали возможности воспользоваться книгами поэта в своих интересах: «Солдаты – товарищи Шевченко – в отсутствие его украдут, бывало, из его шкафа книгу и заложат в кабаке. Возвратясь и не найдя какой-либо книги, он уже знал, где она, и спрашивал товарищей только, в каком кабаке и за сколько книга заложена, оттуда и выкупал ее сам. Летом он часто уходил на берег р. Ори и там между кустами лежал по нескольку часов и мечтал о родине, о прошедшем; но боялся, как говорил, заглядывать в будущее. Там, в уединении он вынимал из-за голенища кусочек бумаги и карандаш и записывал свои поэтические

вдохновения, которые скрывал не только от начальств, но и от иных знакомых» [19, с. 644-645].

По воспоминаниям самого Т. Шевченко, из долгих лет ссылки самыми лучшими были пять месяцев, в течение которых он служил под началом лейтенанта А. Бутакова, потомственного морского офицера, совершившего кругосветное путешествие и рекомендованного Ф. Беллингаузеном для описи и съемки Аральского моря и его берегов. 30 июня 1848 г. двухпушечная шхуна «Константин», доставленная на Сыр-Дарью, вышла в море. Тарасу Григорьевичу было разрешено ходить в гражданской одежде, и поручено делать зарисовки берегов Аральского моря. Пребывание на о. Кос-Арал было очень продуктивным периодом творчества Тараса Шевченко: кроме множества рисунков и акварелей, среди которых необходимо выделить выполненные с особым теплом рисунки казахов, написаны и поэмы «Марина», «Сотник», «Цари» и более 70 стихотворений. Позднее, высоко оценив вклад Шевченко в успешное завершение экспедиции, А. Бутаков просил военного губернатора ходатайствовать о производстве ссыльного солдата в унтер-офицеры.

Однако после доноса на Т. Шевченко, поэта обвинили в том, что он писал, рисовал, ходил в гражданском платье. За это Тараса Григорьевича арестовали и отправили для прохождения службы под строгим контролем в самое глухое и отдаленное Новопетровское укрепление. Помочь ему не смогли, но самое главное – после ареста пропал альбом с рисунками из экспедиции. В Новопетровском укреплении на полуострове Мангышлак Т. Шевченко пробыл до своего освобождения в 1857 г.. Семилетнее пребывание в крепости – самое тяжелое время в жизни поэта. Тем не менее, несмотря на физические и моральные страдания, Тарас Григорьевич продолжал творить.

Искренний поклонник творчества Шевченко М. Лазаревский вместе с С. Левицким решили помочь Тарасу Григорьевичу через подполковника Матвеева, чиновника по особым поручениям при генерал-губернаторе. Матвеев ничего не обещал, но был тронут историей Шевченко и позднее даже помогал вести Кобзарю переписку с друзьями из Петербурга [19]. Благодаря Матвееву Тарас Григорьевич пишет мастерские реалистичные акварели, создает неповторимые рисунки. Как известно, только во время экспедиции на гору Каратау летом 1851 г. он выполнил более 100 рисунков карандашом и акварелью: «Вид на горы Актау с долины Агаспепяр», «Гора в долине Агаспепяр», «Кладбище Агаспепяр», а так же произведения на мифологические, бытовые темы и по мотивам античной истории; работал как скульптор, когда нашел возле крепости хорошую глину, и создал в том числе и два барельефа на библейские темы: «Иоанн Креститель» и «Христос в терновом венце». Тогда же Шевченко начал писать повести на русском языке с богатой

украинской тематикой и автобиографическими элементами: «Княгиня», «Музыкант», «Художник» и другие, в которых в том числе отразил и нечеловеческие условия прохождения солдатской службы в царской армии [30].

В то же время в письме к Бодянскому от 3 января 1850 г. Шевченко писал: «Я оце вже третій рік як пропадаю в неволі – в цім Богом забутім краї! Тяжко мені, друже! Дуже тяжко! ...Я тут пропадаю, живу в казармах меж солдатами – ні з ким слова промовить, і нема чого прочитати – нудьга!» [31, с. 50]. Тарас Григорьевич часто жалуется на солдат и в то же время, досконально изучив быт, традиции, жизнь солдат, сочувствует им: «И нужно же было коварной судьбе моей так ядовито, злобно посмеяться надо мною, толкнув меня в самый вонючий осадок»; «Солдаты – самое бедное, самое жалкое сословие в нашем православном отечестве. У него отнято все, чем только жизнь красна: семейство, родина, свобода» [29, с. 654, 651].

Служба в царской армии была тяжелой и для офицеров, и тем более для солдат: в пять часов утра – подъём, после нескольких часов непрерывных занятий – обед, после – снова муштра и ужин, в девять вечера – отбой. Но в казармах шум, споры и драки пьяных солдат, вонь, поэтому отдохнуть по-настоящему не получалось, к тому же Шевченко страдал от головных, зубных и глазных болей из-за скудного питания и отсутствия витаминов. Особенно не любил Тарас Григорьевич маршировать, выполнять ружейные приёмы и упражнения по выправке. «Я сказал себе, – пишет Шевченко, – что из меня не сделают солдата. Так и не сделали. ...И это льстит моему самолюбию» [31, с. 23]. Доставляла большое неудобство и невозможность уединения: «Я и прежде не любил шумной деятельности или, лучше сказать, шумного безделья. Но после десятилетней казарменной жизни уединение кажется мне настоящим раем» [31, с. 37].

Однако больше всего страдал Шевченко не от бессмысленной солдатской муштры, а от того, что его, художника, лишили возможности рисовать: «Якби мені тільки рисувати було можна, то і я не журився б, ходив би собі у сірій шинелі, поки дійшов би до домовини, та все б таки хвалив Бога» [31, с. 42]. Отсутствие возможности писать и рисовать удручало. И если бы не надежда хоть когда-нибудь увидеть родину, то можно было бы и Господа о смерти просить [3, с. 41].

В письме к М. Лазаревскому находим подтверждение того, что элементарных условий для творчества у Шевченко не было, т.к. даже бумага была большим дефицитом: «Не здивуйте, Бога ради, що на такому клаптикові пишу до вас, бо в цьому божому краї папір поштовий навдивовижу» [31, с. 43]. У Тараса Григорьевича было много идей для творчества, но реализовать их в полной мере он не мог. «Если бы мне можно рисовать, – пишет он в письме к В. Репниной от 24 октября 1847 г., – сколько бы я вам прислал новых

оригинальных рисунков. Но что делать! А смотреть и не рисовать – это такая мука, которую поймет один только истинный художник» [31, с. 23].

Очень тяжелым было и ожидание освобождения, т.к. первой сообщила Тарасу Григорьевичу эту новость в своем письме графиня А. Толстая еще 1 января 1857 г., затем М. Лазаревский в письме от 17 января подтвердил, что царь дает разрешение на освобождение Шевченко, и только через семь месяцев был получен официальный приказ. В «Дневнике» 18 июня 1857 г. поэт записал: «Как быстро и горячо исполняется приказание арестовать, так, напротив, вяло и холодно исполняется приказание освободить. ...В 1847 году ... меня на седьмые сутки доставили из Петербурга в Оренбург. А теперь, дай Бог, на седьмой месяц получить от какого-нибудь батальонного командира приказание отобрать у меня казенные вещи и прекратить содержание» [31, с. 4]. С большим нетерпением ждал поэт пароход с почтой из Гурьева, в которой должны были быть документы об освобождении: «И никто его не ожидает с таким трепетным нетерпением, как я. Что, если не привезет он мне так долго ожидаемой свободы? Что я тогда буду делать? Придется во избежание гауптвахты с блохами и клопами знакомиться со вновь прибывшими офицерами и в ожидании будущих благ пьянствовать с ними» [29, с. 387]. Через месяц Шевченко запишет: «Семь тяжелых лет в этом безвыходном заточении (в Новопетровском укреплении – Т. Л., Т. Ц.) мне не казалось таким длинным и страшным, как эти последние дни испытания» [31, с. 4].

После освобождения, Шевченко констатирует, что вовсе не изменился, о чем читаем в Дневнике (запись от 20 июля 1857 г.): «Ни одна черта в моем внутреннем образе не изменилась. ...И я от глубины души благодарю моего всемогущего создателя, что он не допустил ужасному коснуться своими железными когтями моих убеждений, моих младенчески-светлых верований» [30, с. 96].

Умер Тарас Шевченко от водянки в 47 лет, пробыв на воле менее четырех лет. Похоронили его в Петербурге. На похоронах поэта на Васильевском острове собрались известные российские литераторы Николай Некрасов, Михаил Салтыков-Щедрин, Николай Лесков, Николай Чернышевский, братья Жемчужниковы и Курочкины, переводчик Михаил Михайлов и Федор Достоевский, который в числе других нес гроб с телом Тараса Григорьевича [27]. Во многих журналах и газетах были опубликованы некрологи, в том числе и в журнале, который издавали братья Достоевские, была опубликована статья А. Григорьева «Тарас Шевченко». В статье Тараса Григорьевича называют «великим славянским деятелем», сравнивая значение его ухода с потерей Пушкина и Мицкевича, или по крайней мере эта утрата «нисколько не меньше значения утраты Гоголя и Кольцова» [6, с. 635]. По красоте и силе поэзия Шевченко, по мнению

автора статьи, даже выше, чем у других великих поэтов: «У него действительно есть и уносящая, часто необузданная страстность Мицкевича, есть и прелесть пушкинской ясности... Натура его поэтическая шире своею многосторонностью натуры... Кольцова, светлее, проще и искреннее натуры Гоголя... Да! Шевченко – последний кобзарь и первый великий поэт новой великой литературы славянского мира» [6, с. 636]. Будучи редактором «Времени», Федор Михайлович Достоевский читал и рекомендовал статью в печать, таким образом, можно с уверенностью утверждать, что он поддерживал высокую оценку творчества Кобзаря и разделял восхищение Григорьева украинским поэтом.

Реализуя поставленную цель: выявление общего в судьбах Кирилло-Мефодиевцев и Петрашевцев на примере ссылок Тараса Шевченко и Федора Достоевского, обратимся к эпистолярному наследию теперь уже Фёдора Достоевского.

Отметим, что особый интерес представляют письма Ф. Достоевского к брату Михаилу, написанные из Петропавловской крепости в 1849 г. после ареста по делу петрашевцев. Они свидетельствуют не только об участии в судьбе брата, но и о мужестве Федора Михайловича, о живом интересе к книгам и литературе, несмотря на тяжелейшие условия одиночного заточения в Алексеевском равелине. Особенно большое впечатление производит письмо к М.М. Достоевскому, написанное 22 декабря 1849 г. по возвращению с Семеновского плаца после выслушивания приговора и инсценировки смертной казни: «Брат, любезный друг мой! Все решено! Я приговорен к четырехлетним работам в крепости (кажется, Оренбургской) и потом в рядовые. Сегодня 22 декабря нас отвели на Семеновский плац. Там всем нам прочитали смертный приговор, дали приложиться к кресту, переломали над головой шпаги и устроили нам предсмертный туалет (белые рубахи). Затем троих поставили к столбу для исполнения казни. Я стоял шестым, вызывали по трое, следовательно, я был во второй очереди (подчеркивание – Т. Л., Т. Ц.) и жить мне осталось не более минуты. Я вспомнил тебя, брат, всех твоих; в последнюю минуту ты, только ты был в уме моем, и тут только узнал, как люблю тебя, брат мой милый. Я успел тоже обнять Плещеева, Дурова, которые были подле, и проститься с ними. Наконец ударил отбой, привязанных к столбу привели назад, и нам прочли, что его императорское величество дарит нам жизнь. Затем последовал настоящий приговор» [15, с. 122].

В очень спокойном тоне письма мы совсем не замечаем те душевные волнения, которые пережили петрашевцы, а вместе с тем Ф.М. Достоевский никогда не мог их забыть. Так в «Дневнике писателя» 1873 г. он описывает свое настроение: «Мы, петрашевцы, стояли на эшафоте без малейшего раскаяния. Без сомнения, я не могу свидетельствовать обо всех, но думаю, что не ошибусь, сказав, что по крайней мере

чрезвычайное большинство из нас почло бы за бесчестье отречься от своих убеждений... Приговор смертной казни ... прочтен был вовсе не в шутку; почти все приговоренные были уверены, что он будет исполнен, и вынесли по крайней мере десять ужасных, безмерно страшных минут ожидания смерти. В эти последние минуты некоторые из нас (я знаю положительно) инстинктивно углубляясь в себя и проверяя мгновенно всю свою, столь юную жизнь, – может быть, и раскаивались в иных тяжелых делах своих (из тех, которые у каждого человека всю жизнь лежат в тайне на совести); но то дело, за которое нас осудили, те мысли, те понятия, которые владели нашим духом – представлялись нам не только не требующими раскаяния, но даже чем-то спасоочищающим, мученичеством, за которое нам проститься» [10, с. 161].

Впечатление этой экзекуции на Семеновском плацу было до такой степени сильно, что Ф.М. Достоевский никогда не мог его забыть и даже описал в «Идиоте». Герой этого романа, князь Мышкин, рассказывает об этом подробно, протестуя против смертной казни [12, с. 21; 13, с. 430].

По сообщению Третьего отделения, «народу было на Семеновском плацу 3000 человек; все было тихо, и все были проникнуты особенным вниманием» [26, с. 155]. Стоял 21-градусный мороз. Как констатирует Н.А. Спешнев, несмотря на такую температуру, петрашевцы должны были снять верхнее платье и простоять в рубашках все время чтения приговора ... более получаса. «Потрите щеку», «потрите подбородок», – говорили они друг другу» [9, с. 229].

Напомним, что Федор Михайлович Достоевский родился 30 октября 1821 г. в Москве в семье лекаря. 8 июня 1839 г. М.А. Достоевский был убит в деревне своими крепостными, доведенными до отчаяния его жестокостью, как и отец кирилло-мефодиевца Н.И. Костомаров. В памяти сына Михаил Андреевич сохранился как человек тяжелый, вспыльчивый, мрачный [9, с. 157]. О своих тягостных переживаниях Ф.М. Достоевский вспоминает в письме А.Е. Врангелю от 9 марта 1857 г..

Четырнадцатилетним мальчиком Ф. Достоевский попадает в одно из лучших частных заведений Москвы, пансион Германа, по окончании которого продолжает образование в Петербурге, в Главном инженерном училище. В 1843 г. Федор Михайлович поступает на действительную службу в инженерный корпус, но уже через год выходит в отставку и надежды свои возлагает на литературские способности. В 1845 г. Ф. Достоевский завершает работу над романом «Бедные люди», рукопись попадает к Н.А. Некрасову. Восхищенный этим произведением Николай Алексеевич передает его В.Г. Белинскому, который столь же восторженно отзывается о романе.

В 1846 г. Федор Михайлович знакомится с М.В. Бутошевичем-Петрашевским, а с 1847 г. начинает посещать его «пятницы». По словам писателя, очень редко, раз в три-четыре месяца, а с 1848-1849 гг. – регулярно.

Получив в марте 1848 г. сведения об антиправительственных собраниях у М.В. Петрашевского, Николай I поручил наблюдать за ними.

По донесениям П.Д. Антонелли, Ф.М. Достоевский был на собраниях у М.В. Петрашевского 11, 18, 25 марта, 1 и 15 апреля 1849 г.. Как сообщает агент, на собрании 11 марта говорили о происхождении религии, о том, существует ли в людях религиозное чувство, доказывали, что религия не только не нужна в социальном смысле, но даже вредна, потому что «подрывает развитие ума». 18 марта речь шла о науках, подчеркивали, что все науки и в особенности статистика «показывают прямо как наилучшее». При этом часто ссылались на Прудона и «восставали не только на сановников, но и на государя». 25 марта подымались разные вопросы, связанные с властью. Утверждали, что «всякому должно показывать зло в самом его начале, то есть в законе и государе, и вооружить подчиненных не против начальников, а против самого корня, начала зла» [16, с. 178]. О свободе книгопечатания, перемены в судопроизводстве и освобождении крестьян говорили 1 апреля, а 15 апреля Ф.М. Достоевский читал переписку Гоголя с Белинским, и в особенности письмо Белинского к Гоголю. В этом письме В.Г. Белинский, разбирая положение «России и народа, сперва говорил о православной религии в неприличных и дерзких выражениях, а потом о судопроизводстве, законах и властях. Письмо это вызвало множество восторженных одобрений собравшихся» [1, с. 98-106].

22 апреля 1849 г. А.Ф. Орлов подписал указ об аресте петрашевцев. 23 апреля, в пять часов утра был произведен арест большинства петрашевцев, в том числе Ф.М. Достоевского. Утром А.Ф. Орлов доносил царю, что «в Третье отделение привезено 34 человека» [3]. Около 11 часов вечера арестованные были отправлены в петропавловскую крепость. Федора Достоевского поместили сначала в камеру № 7, а затем – № 9 Алексеевского рavelина. Заключение продолжалось 8 месяцев, из которых «в первые два он ничего не делал, а в остальные ему давали читать книги больше духовного содержания и позволяли писать. Выпускали гулять на ¼ часа на маленький дворик, одного, без товарищей, но под конвоем. Общение с товарищем, соседом по заключению, происходили при помощи постукивания» [1, с. 241].

23 апреля Николай I назначил «Секретную следственную комиссию», которая начала заседания 26 апреля. С 28 апреля 1849 года петрашевцы, содержащиеся в Петропавловской крепости, по очереди вызывались для дачи показаний, после чего они в

своих камерах должны были давать более обстоятельные письменные объяснения [7, с. XVII]. 6 мая 1849 г. Федор Михайлович предварительно отвечал на вопросы следственной комиссии. Сохранилась запись Анны Григорьевны Достоевской: «Ф.М. был допрошен 6 мая в 9 заседании Следственной комиссии и на допросе сначала решительно отвергал всякую мысль о преступности собраний у Петрашевского, а затем заявил, что на этих собраниях происходили горячие споры о теории Фурье и читалось о социализме, лично он, Ф.М. Достоевский, прочитал письмо Белинского к Гоголю» [8, с. 59]. По возвращению в крепость Федор Михайлович написал пространные ответы на поставленные ему предварительные вопросы.

Отвечая на вопросы Комиссии, Ф.М. Достоевский обдумывал каждое слово, руководствовался тактическими соображениями, всячески стремился подчеркнуть, что М.В. Петрашевский – теоретик, страстный сторонник Фурье, и никаких таких революционных целей «пятницы» Петрашевского не имели, да и вся его деятельность была «скорее смешной, чем вредной». На вечерах он бывал, но говорил исключительно на литературные и нравственно-психологические темы. Таким образом, Ф.М. Достоевский, так же как и кирилло-мефодиевец Т.Г. Шевченко, часто умалчивал об известных ему в действительности обстоятельствах дела, стремился придать намерениям и поступкам своим и других обвиняемых иной смысл. Показания Достоевского свидетельствуют о высоком гражданском мужестве. Защищая себя и своих товарищей от обвинения в посягательстве на устои самодержавного государства, отвергая версию о существовании у петрашевцев тайных революционных намерений, Ф.М. Достоевский вместе с тем не скрывал от Следственной комиссии своих воззрений.

Через тринадцать лет в «Дневнике писателя» (за 1873 г.) Федор Михайлович полемизировал с критиками по поводу своего романа «Бесы» и дал обстоятельную оценку петрашевцам, подчеркивая три обстоятельства: «1. Что и сам он, и другие петрашевцы руководствовались в своей деятельности благородными идейными мотивами, в «святость» которых они верили, и отнюдь не заслуживали названия «фанатиков», «монстров», «мошенников», какими стремились представить их (а ровно и позднейших революционеров) реакционная пресса; 2. Что петрашевцы при иных обстоятельствах и при ином повороте событий легко «могли бы стать нечаевцами», т.е. перейти к прямой практической революционной борьбе с самодержавием; 3. Что горячо веря в справедливость своего дела, они арест и осуждение встретили «без малейшего раскаяния» [10, с. 125-136].

Ознакомившись с материалами следствия, Николай I повелел подвергнуть обвиняемых необычному суду: дело петрашевцев слушалось, в отличие от кирилло-

мефодиевцев, в смешанной Военно-судной комиссии, которая приговорила 15 человек (в том числе, Ф.М. Достоевского) к расстрелу. Однако приговор никому из осужденных не был известен до 22 апреля 1849 г. (об этом см. выше). После этого 13 ноября 1849 г. дело поступило в генерал-аудиториат и Ф.М. Достоевского «за участие в преступных замыслах, за распространение письма литератора Белинского, полного дерзких выражений против православной церкви и верховной власти, и за покушение, вместе с прочими, к распространению сочинений против правительства посредством домашней литографии, был приговорен к восьмилетним каторжным работам» [16, с. 190]. Государь против этого приговора написал: «На четыре года, а потом – рядовым». И последние коррективы в приговор уже при его утверждении снова внес Николай I: предполагалось не только сократить срок Достоевскому и Дурову, но и вернуть «им обоим гражданские права» [2, с. 115]. Впоследствии по этому поводу Ф.М. Достоевский писал: «Приговор этот был по форме своей первым еще случаем в России, ибо всякий приговоренный в России в каторгу теряет гражданские права навеки, хотя бы и окончил свой срок» [там же].

Сведения о личном участии царя в разработке всех деталей смертной казни держались в тайне [1, с. 235]. Через два дня после экзекуции на Семеновском плацу Ф.М. Достоевского заковали в кандалы и отправили в Сибирь. В «Записках из Мертвого дома» писатель подчеркивал, что «...кандалы сами по себе – не Бог знает, какая тягость. Весу они бывают от восьми до двенадцати фунтов (от 3,6 до 5,5 кг – Т.Л., Т.Ц.). Носить десять фунтов здоровому человеку неотягчительно... Кандалы – одно шельмование, стыд и тягость, физическая и нравственная» [11, с. 139]. В письме к брату он подробно описывает этот процесс: «... нас повели троих: Дурова, Ястржембского и меня, заковывать. Ровно в 12 часов, то есть ровно в Рождество, я первый раз надел кандалы. В них было фунтов 10, и носить чрезвычайно неудобно. Затем посадили в открытые сани, каждого особо, с жандармом, и в 4-х санях фельдфебель впереди. Мы отправились из Петербурга. Я, в сущности, был спокоен и пристально глядел на Петербург, проезжал мимо празднично освещенных домов и прощаясь с каждым домом в особенности» [14, с. 167-168].

До Тобольска Федора Михайловича везли, а из этого города отправили закованного в кандалы с партией арестованных пешком. «11 января, - вспоминал писатель, - мы приехали в Тобольск и после представления начальству и обыска, где у нас отобрали все наши деньги, мы были отправлены в особую коморку... С каторжным народом я познакомился еще в Тобольске и здесь в Омске расположился прожить с ними четыре года. Военная каторга тяжелее гражданской» [14, с. 170]. В «Записках из Мертвого дома» Достоевский развивает эту мысль: «Второй разряд каторги, в котором я находился и

состоявший из крепостных арестантов под военным начальством, был несравненно тяжелее остальных двух разрядов ..., очень похожее на арестантские роты в России» [11, с. 222].

В это время в Тобольске на поселении жили декабристы И.А. Анненков, М.А. Фонвизин, П.С. и Н.С. Бобринцевы-Пушкины, А.М. Муравьев, П.Н. Свистунов. В письме Н.Д. Фонвизиной от 18 мая 1850 г. из Тобольска к брату мужа читаем, что С.Ф. Дурова она выдавала за своего родственника и неоднократно посещала «племянника» и его товарищей. Подробности свидания петрашевцев с декабристами по пути на каторгу записала со слов мужа Анна Достоевская: «В сопровождении конвойных они были приведены в квартиру смотрителя острога (вероятно, подкупленного декабристами) и там-то находились как бы в гостях у смотрителя жены декабристов: Анненковы (мать и дочь, впоследствии Иванова), Муравьева, Фонвизина и Свистунова» [8, с. 155].

Как уже отмечалось, Ф.М. Достоевский был включен во второй разряд в крепости, который арестанты считали особенно тяжелым. «Тяжелым он был не только для дворян, но и для всех арестантов... Военное начальство строже, всегда под конвоем, всегда под замком, а этого нет в первых двух разрядах. Так, по крайней мере, говорили все арестанты, а между ними были знатоки дела» [11]. Ф.М. Достоевский упоминает о трех видах работ, которые ему поручались: это было обжигание и толчение алебаstra, верчение точильного колеса и разгребание снега. Каторжане чуждались Федора Михайловича как дворянина. «Мне надо было почти два года прожить в остроге, – пишет Достоевский, – чтобы приобрести расположение некоторых из каторжных» [там же].

Жизнь в остроге была однообразная, тяжелая. Впоследствии Ф.М. Достоевский детально останавливается на этом периоде каторжных работ: «Все четыре года я прожил без выходных в остроге, за стенами, а выходил только на работу. Работа доставалась тяжело... в мокроту, в слякоть или зимою в нестерпимую стужу... Жили мы в куче, все вместе, в одной казарме. Вообрази себе старое, ветхое, деревянное здание. Которое давно уже положено сломать и которое уже не может служить. Летом духота нестерпимая, зимой холод невыносимый. Все полы прогнили. Пол грязен на вершок, можно скользить и падать. Маленькие окна заиндевели, так что целый день почти нельзя читать. На стенах на вершок льду. С потолков капель – все сквозняк. Нас как сельдей в бочке. Затопят шестью поленами печку, тепла нет (в комнате лед едва оттаивает), а угар нестерпимый... Тут же в казарме арестанты моют белье и всю маленькую комнату заплескают водою. Поворотиться негде. Выйти за нуждой уже нельзя с сумерек до рассвета, ибо казармы запираются и ставится в сенях ушат, и потом духота нестерпимая. Все каторжные воняют

как свиньи и говорят, что нельзя не делать свинства, дескать «живой человек». Спали мы на голых нарах, позволялась одна подушка. Укрывались коротенькими полушубками, и почти всегда всю ночь голые. Всю ночь дрожишь. Блох, и вшей, и тараканов четвериками. Зимой мы одеты в полушубках, часто сквернейших, которые почти не греют, на ногах сапоги с короткими голенищами – изволь ходить по морозу. Есть давали нам хлеба и щи, в которых полагалось $\frac{1}{4}$ фунта говядины на человека; но говядину кладут рубленую, и я ее никогда не видал. По праздникам каша почти без масла. В пост капуста с водой и почти ничего больше» [14, с. 170]. В таких условиях Федор Михайлович читал много. В письме к брату просил прислать «Коран», «Критику чистого разума» Канта, «Историю философии» Гегеля, Шекспира и т.д..

В дальнейшем Ф.М. Достоевский многократно в «Записках из Мертвого дома» и в ряде статей по русской литературе подчеркивает, что знание каторжного люда дало ему знание всего русского народа. Он особенно гордился не книжным и умозрительным, а действительным знанием человека, и подчеркивал, что имел «довольно времени, чтобы изучить народ» [11, с. 121, 135, 150; 17, с. 28-29].

Поступив в острог зимой, Достоевский и выйти на волю должен был зимой, в то же самое число месяца, когда прибыл. С каким нетерпением Федор Михайлович ждал зимы, с каким наслаждением смотрел в конце лета, как вянет лист на дереве и блекнет трава в степи. «Сердце мое начинало подчас глухо и кратко биться от великого предчувствия свободы...» [11].

Наконец пришел и давно ожидаемый день освобождения. Накануне Ф.М. Достоевский обошел в последний раз весь острог, а на утро стал прощаться с острожниками: «Еще перед выходом на работу, как только еще начинало светать, – вспоминает писатель, – обошел я все казармы, чтобы попрощаться со всеми арестантами. Много мозолистых сильных рук протянулось ко мне приветливо. Иные жали их совсем не по приятельски, но таких было немного. Другие уж очень хорошо понимали, что я сейчас стану совсем другой человек, чем они» [11, с. 218].

Этот выход из омского крепостного острога совершился в феврале или в самом начале марта 1854 г. Так как в билете Ф.М. Достоевского обозначено, что по окончании срока каторги зачислен рядовым 2 марта 1854 г. с определением в Сибирский линейный седьмой батальон, который стоял в Семипалатинске. Как видно из письма 30 июля 1854 г. к брату военная служба для Ф.М. Достоевского тоже была нелегкой: «Приехал я сюда в марте месяце. Службы почти не знал и между тем в июле стоял на смотре наряду с другими и знал свое дело не хуже других... Как не чуждо все это для тебя, но я думаю, ты поймешь, что солдатство не шутка, что солдатская жизнь со всеми обязанностями солдата

не совсем-то легка для человека с таким здоровьем и с таким полным ничего незнанием в подобных занятиях. Чтобы приобрести этот навык надо много труда» [14, с. 180].

В Сибири Ф.М. Достоевский возвращается к литературной работе. Здесь под свежими впечатлениями пережитого начаты им «Записки из Мертвого дома». В письме к А.Н. Майкову Федор Михайлович писал о том, «как много он мук потерпел от того, что не мог на каторге писать», между тем как внутренняя работа кипела и он «создал в голове большую повесть». О каком произведении идет речь сказать трудно, хотя можно предположить, что это был «Дядюшкин сон». Очень сложно было перенести невозможность уединения необходимого для творческой работы. Так в письме Н. Фонвизиной от 20 февраля 1854 года достоевский пишет: «В солдатской шинели я такой же пленник, как и прежде. И как я рад, что в душе моей нахожу еще надолго терпения ... и что мне надо только книг, возможности писать и быть каждодневно несколько часов одному. ... Вот уже скоро пять лет как я под конвоем в толпе людей, и ни одного часу не был один. Быть одному – это потребность нормальная, как пить и есть, иначе в насильственном этом коммунизме сделаешься человеконенавистником» [15, с. 143].

Имя Достоевского снова появилось в печати в 1859 г.. В «Русском слове» за этот год выходит большая повесть «Дядюшкин сон», в «Отечественных записках» – роман «Село Степанчиково».

С нетерпением Федор Михайлович ожидал Манифеста в связи с предстоящей коронацией Александра II, в надежде, что будет объявлена амнистия. Действительно, в Манифесте, обнародованном в день коронации 26 августа 1856 г. было объявлено прощение бывшим петрашевцам. Им возвращалось право дворянства и разрешалось жить в любых городах России за исключением столицы.

Итак, целых девять лет, с 1850 по 1859 г. Ф.М. Достоевский находился в Сибири, сначала отбывал четыре года каторги, а потом пять лет дисциплинарной военной службы.

Уволенный со службы в чине подпоручика, Ф.М. Достоевский получает билет на проезд 30 июня 1859 г. и вскоре покидает Сибирь. Уже в сентябре он был в Твери.хлопоты Федора Михайловича о возвращении в Петербург увенчались успехом. В начале декабря 1859 г. он прибыл в Северную Пальмиру. А.П. Малюков, товарищ Достоевского по кружку Петрашевского, так рассказывает об этом возвращении: «Однажды Михаил Михайлович приехал ко мне утром с радостной вестью, что брату его разрешено жить в Петербурге, и он должен приехать в тот же день. Мы поспешили на вокзал Николаевской железной дороги и там, наконец, я обнял нашего изгнанника после десятилетней почти разлуки. Вечер провели мы вместе. Ф.М., как мне показалось, не изменился физически,

даже как будто смотрел бодрее прежнего и не утратил нисколько своей обычной энергии. Не помню, кто из общих знакомых был на этом вечере, но у меня осталось в памяти, что при этом первом свидании мы обменялись только новостями и впечатлениями и вспомнили старые годы и наших друзей. После этого виделись мы почти каждую неделю» [24].

В завершение необходимо подчеркнуть, что Т. Шевченко и Ф. Достоевский были знакомы. В круг их общих знакомых входили Д. Григорович, К. Трутовский, Н. Спешнев, Н. Костомаров, петрашевцы Р. Штрандман, Н. Момбелли, А. Плещеев и другие. Поэтому можно утверждать, что писатели неоднократно пересекались. А личные встречи могли происходить в доме И. С. Тургенева. Как известно, последний после публикации в журнале «Народное чтение» письма Шевченко, выступил перед Литературным фондом с инициативой об освобождении родных Тараса Григорьевича от крепостной зависимости. Именно поэтому Тургенев и Шевченко стали часто встречаться. В то же время в доме Ивана Сергеевича бывал и Достоевский, принимая участие в любительских спектаклях.

Однако эстетические взгляды писателей, литературное творчество и судьбы разные. Возможно, поэтому литературоведы не проводили исследования-сопоставления творчества Шевченко и Достоевского. Однако некоторые моменты в жизни писателей сходны и могли послужить поводом для знакомства и привлечения внимания друг к другу. Так известно, что в ноябре 1860 г. в Петербурге, в Пассаже состоялся благотворительный литературный вечер в пользу воскресных школ. Именно там в числе прочих (В. Бенедиктова, Я. Полонского, А. Майкова, Ф. Писемского) читали свои произведения и Т. Шевченко, и Ф. Достоевский. В мемуарах Л. Пантелеева, Д. Григоровича и др. содержатся свидетельства восторженного приема обоих писателей. Однако на Достоевского скорее смотрели как на бывшего каторжника и «недавнего страдальца», почти революционера [25, с. 157-158]. Шевченко же публика приняла так, «словно он гений, сошедший в залу Пассажа прямо с небес. ...Чествовали мученика, пострадавшего за правду. (Уж будем все, за что они страдали, называть правдой хотя я и не знаю хорошенько, за что они страдали, довольно того, что страдали). Шевченко был только солдатом, Достоевский был в Сибири, на каторге. Между тем Шевченку ошеломили овациями, а Достоевскому хлопали много, но далеко не так» [32, с. 269-270].

Анализ оценок мемуаристов не является целью представленной статьи, поэтому необходимо подчеркнуть лишь общее, что объясняет подобную встречу писателей: они были мучениками, пострадавшими за правду. В этом и состоит их принципиальное сходство. Кроме того, и Шевченко, и Достоевский после успешных литературных дебютов становятся членами тайных обществ: Кирилло-Мефодиевского братства и

общества Петрашевского. Оба были арестованы в апреле: Шевченко 1847 года, а Достоевский – 1849; оба получили обвинительный приговор: Шевченко на десять лет отправлен служить солдатом, а Достоевского приговорили к смерти, а затем заменили приговор ссылкой на каторжные работы, а затем (через 4 с половиной года) – солдатом. Вернулись они оба в Петербург примерно через два года: Шевченко в марте 1858 г., а Достоевский – в декабре 1859. В период отбывания наказания оба писателя практически не имеют возможности полноценно заниматься творчеством, возникающие образы не реализуются, творческие силы истощаются. Отсюда – необходимость уединения и активной духовной работы. Никто больше из литературного круга в то время не имел такого опыта.

Таким образом, тема, предложенная авторами статьи, отличается богатством смыслов и возможностей различных интерпретаций, поэтому открывает неограниченные перспективы дальнейших исследований в общегуманитарном культурологическом дискурсе.

Литература

1. Бельчиков Н.Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. – Москва: Изд. АН СССР, 1936. – 245 с.
2. Биография, письма и записи из записной книжки Ф.М. Достоевского. СПб, 1883 // Достоевский Ф.М. ПСС в тридцати томах. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1972. Т. 1. – 519 с.
3. Былое. – 1906. - № 2.
4. Герн К. И. Письмо к М. М. Лазаревскому о Шевченке от 12 апреля 1861 [?] г. // «Киевская старина», 1899, февраль. – С. 67-73.
5. Герцен А. Былое и думы. 1852-1868. Части I-III. // Собрание сочинений в 30-ти томах. – Москва: Изд-во АН СССР, 1956. – Т. 8. – 519 с.
6. Григорьев А. Тарас Шевченко // Время. – СПб., 1862. – Кн. IV. – С. 634-637.
7. Дело петрашевцев. – Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937. – Т. 1. – 584 с.
8. Достоевская А.Г. Воспоминания. – Москва: Художественная литература, 1971. – 496 с.
9. Достоевский в воспоминаниях. – Москва: Изд. «Художественная литература», 1969. – Т. 1. – 439 с.
10. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1873 г.; Статьи и заметки, 1873-1878 // Достоевский Ф.М. ПСС в тридцати томах. – Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1980. – Т. 21. – 551 с.

11. Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома // Достоевский Ф.М. ПСС в тридцати томах. – Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1972. – Т. 4. – 326 с.
12. Достоевский Ф.М. Идиот // Достоевский Ф.М. ПСС в тридцати томах. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1973. – Т. 8. – 511 с.
13. Достоевский Ф.М. Идиот; Вечный муж; наброски 1867-1870 // Достоевский Ф.М. ПСС в тридцати томах. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1974. – Т. 9. – 528 с.
14. Достоевский Ф.М. Письма, 1832-1859 // Достоевский Ф.М. ПСС в тридцати томах. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1985. – Т. 28, кн. 1. – 572 с.
15. Достоевский Ф.М. Письма. Книга первая. – М. – Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 519 с.
16. Достоевский Ф.М. Статьи и заметки. 1845-1861 // Достоевский Ф. М. ПСС в тридцати томах. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1978. – Т. 18. – 371 с.
17. Достоевский Ф.М. Статьи и заметки, 1861 // Достоевский Ф.М. ПСС в тридцати томах. – Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1979. – Т. 19. – 359 с.
18. Зильберштейн, И. С. Новонайденные и забытые письма Ф. М. Достоевского / И. С. Зильберштейн // Литературное наследство. – М.: Наука, 1973. – Т. 86: Достоевский Ф. М. Новые материалы и исследования. – С. 142-146.
19. Из воспоминаний М. М. Лазаревского о Т. Г. Шевченко // «Русский архив» 1899. – Кн. 1. – № 4. – С. 643- 647.
20. Костомаров Н. И. Автобиография. Н. И. Костомарова. – М.: Задруга, 1922. – 440 с.
21. Костомаров Н.И. Письмо к изд.-редактору «Русской старины» М. И. Семеvскому // Русская старина», 1880, т. XXVII. – С. 600-601.
22. Лебединская Т. Есть ли у него перстень «Святых Кирилла и Мефодия»? – Черкаси: ФОП Толкушин О.Г. – 20 с.
23. Матов А.И. Тарас Григорьевич Шевченко в ссылке // Воспоминания о Тарасе Шевченко. – К.: Дніпро, 1988. – 608 с.
24. Милуков А.П. Литературные встречи и знакомства. – СПб, 1890. – 281 с.
25. Пантелеев Л.Ф. Из воспоминаний прошлого. – Москва – Ленинград: Academia. 1934. – 798 с.
26. Петрашевцы. – Москва: Изд. В.М. Саблина, 1907. – 160 с.
27. Шевченківський словник у двох томах. – Київ: Головна редакція Української Радянської Енциклопедії видавничого об'єднання «Вища школа». Т. 1, 1976. – 416 с. – Т. 2, 1977. – 410 с.
28. Шевченко Т. Прогулка с удовольствием и не без морали // Тарас Шевченко. Зібрання творів: У 6 т. – К., 2003. – Т. 4: Повісті. – 600 с. – С. 208-326.

29. Шевченко Т. Усі твори в одному томі. – К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2007. – 824 с.
30. Шевченко Т. Художник. Повісті, автобіографія, щоденник. – Харків: Фоліо, 2012. – 828 с.
31. Шевченко Т. Щоденник. Листи. – Видання перше. – Бібліотека газети «День» «Україна Incognita». ПрАТ «Українська прес-група», 2013. – 80 с.
32. Штакеншнейдер Е.А. Дневник и записки. – Москва – Ленинград: Academia, 1934. – 582.